

В одном из красноярских участков ЖКХ очень уж ругалась старушка. Ростом она была мала и при этом очень хрупка, как былинка. Старушка выглядела лет на семьдесят пять — восемьдесят, но вела себя довольно бойко. Согнутую годами спину выпрямить она уже не могла, зато ей легко удавалось высоко, с достоинством, держать свою покрытую платком голову. Громко, с уверенностью в голосе доказывая собственную правоту, бабулька без конца жестикулировала маленькими руками и время от времени поправляла то сбившийся на голове платок, то воротник пальто. Цвет глаз её невозможно было толком определить, они будто выцвели от времени и проблем. Не собираясь вешать своего востренького носика, старушка громогласно повторяла одной из сотрудниц участка ЖКХ:

— Смотри, смотри все бумажки ещё раз. За две тысячи пятнадцатый год я уплатила, за две тысячи шестнадцатый уплатила, за две тысячи семнадцатый.. и сейчас всё уплочено. Это ж как же так получается, что неделю назад вдруг выяснилось, будто я должница?! Вы только посмотрите, люди добрые! Жила-жила, деньги им носила, а теперь начальник новый сюда пришёл, и говорят, что я за воду ему дóлжна, ещё за две тысячи пятнадцатый год дóлжна. Тот начальник-ворюга деньги собирал да убежал, ищут его, а теперича другого посадили. И я этому новому ворюге деньги дóлжна оказалась — восемь тысяч рублей. Так его ж, нового начальника, в две тысячи пятнадцатом году здесь не было. Откуда долги у меня перед ним? Воры!!! Миллионы воруют!!! Деньги с нас собирают, а ничего не делают. Тьфу на вас! И на тебя, халда!

Молодая сотрудница пригрозила старушке вызвать полицию за ненадлежащее поведение и оскорбления.

— Да вызывай, вызывай. Вас-то и надо всех посадить за воровство. Они воруют, а мне милицией грозят. Вот те раз! У меня всё уплочено, больше свои бумажки мне не приносите. Тьфу на вас! Прости Господи! Что же это такое делается на свете?! После войны детей-сирот за сорванные колоски в поле плётками хлестали, чтобы они государственное брать не полюбили. А тут... Берут чьё хотят, и ещё им мало... И управы на них никакой нет... Да ну вас! Тьфу!

Провела бабушка рукой по своим выцветшим глазам, чтоб накотившие скупые две слезинки никто не заметил, и отрешённо направилась к выходу.

В 1941 году разлилась война, будто реки полноводные из берегов вышли и одним махом стирают с лица земли нашей целые посёлки, деревни, города. Ни дом, ни хозяйство, ни себя не спасти...

В начале войны в одном маленьком уголке нашей необъятной Родины, в деревне Николаево Сиротинского района Витебской области, уходил на фронт молодой муж. Его провожали четверо детей и жена, ожидающая пятого ребёнка. Через несколько месяцев родилась девочка. Но отца своего увидеть ей не было суждено. Пришла похоронка, и молодая вдова с пятью детьми встретилась лицом к лицу с войной. С падающими авиабомбами, взрывами и горящими избами. В начале 1943 года деревня Николаево была разрушена немцами.

Одно небо знает, как, лишившись хаты и хозяйства, изнывая от голода, жажды и холода, выживала эта женщина и берегла своё потомство.

Война закончилась, вдова с детьми, как и все в нашей стране, встретили со слезами на глазах День Победы. Наступил мир и покой, но жить от этого легче не стало.

Голод так же морил детей и мать, отдавших войне своего кормильца и защитника. Так же холод пробирал до костей их плохо одетые исхудавшие тела и босые ноги.

По-прежнему жить было негде. Одна радость — снаряды больше не сыпались сверху и не взрывались под ногами. Молодая вдова бралась за любую предложенную работу, не чуралась никакого дела. Но из нищеты и истребляющего голода выбраться не получалось. Дети её как-то по осени задумали сходить на ближайшее поле. Самая младшая девочка, рождённая в начале войны, тоже отправилась с братьями и сёстрами. Они знали, что урожай уже собрали и на поле остались никому не нужные, покрытые первой изморозью колоски. Очень хотелось пощипать их, принести маме на лепёшки. Обувь у детей была плоха: у кого летняя, у кого и вовсе ноги босые. Поэтому до поля шли долго, малую сестру приходилось иногда брать на руки, чтобы хоть немного согреть ей ножки.

Добрались до места, затаились за стогом сена. Выглядывают с осторожностью из-за скирды пять маленьких головешек. Знают, что объездчик может на лошади проехать. Он за порядком следить приставлен, чтобы не утащили чего. Осмотрелись. Никого на горизонте. Стали друг за другом подходить к урожайному клочку земли и колоски мёрзлые щипать. Младшенькая ручонками тоже рвёт и за пазуху складывает. Вдруг топот конский. Детки бежать направились обратно к стогу сена, чтобы укрыться, но объездчик уже заметил их и всю лошадь свою гонит. Самую младшую девчушку и догонять особо ему не пришлось. Замахнулся плёткой на ходу и стал хлестать по спине. Она плачет, падает, но снова встаёт и дальше бежит. А объездчик приговаривает: «Будешь знать, как чужое брать, будешь знать, как на государственное зариться». Так до скирды гнал детей, потом развернул лошадь и ускакал прочь. На всю жизнь малая запомнила боль от плётки и унижение, когда её ворюгой обозвали, злостной расхитительницей государственного имущества.

Отчего такая несправедливость?! Девочка эта отца своего Родине отдала, что ж ты, милый человек, колосок ей от почвы родной оторвать жалеешь?!

А ещё через год она и мать свою отдаст земле сырой. Болезнь лёгких заберёт молодую женщину и обречёт пятерых

детей на сиротство. И снова только небо будет знать, как эти былиночки родные вырастут и сколько пройти им придётся. Сначала детей определяют в детский дом, а после их возьмут под своё крыло родственники, проживающие в сибирском городе Красноярске.

Чужой и холодный Красноярск примет сироток с небывалым радушием и оставит у себя самую младшенькую, рождённую в начале войны, девочку надолго, более чем на семьдесят лет. Девчушка вырастет, выучится, будет добросовестно трудиться, воспитывать троих детей, затем и внуков. И на этом рубеже её назовут старушкой-неплательщицей...

Особенные они, дети войны! Как колоски в поле. Как же прочно они за землю родную держатся, и она им помогает. Их жизни даже ветер не помеха. Он разве что согнуть их может, но не сломать. Устояв при сильном порыве и натиске, как только буря стихнет, колоски снова головы свои приподнимают, спины выпрямляют и тянутся к свету. Только рука морального невежды с чёрным сердцем способна ухватить крепко и вырвать из земли вместе с корнем.

Вот он, перед моими глазами,— тот самый злодей-невежда. Сначала на коне несётся с плёткой, потом на участке ЖКХ должников назначает. Колосок же — он в поле хоть и совсем маленьким был, но не сломался. Только кажется мне, что именно вчера, смахивая солёные росинки с глаз своих, надломился колосок у самого корня. Снова его, как и много-много лет назад, ударили по живому: «К чужому потянулся».

Вроде, как и тогда, человек всё отдал, а всё равно задолжал!